

RU

Средства достижения функциональной эквивалентности при переводе английских дискурсивных маркеров в устной речевой коммуникации в правовой сфере

Короткова М. Д., Богачева Е. А., Молодкин А. М.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности перевода на русский язык языковых единиц “really” и “actually”, употребляющихся в дискурсивном значении, с позиции достижения функциональной эквивалентности. Научная новизна заключается в том, что изучение коммуникативного эффекта при их употреблении в процессе устного общения в правовой сфере осуществляется с применением комбинированного корпусно-ориентированного подхода с использованием количественных и качественных методов сравнительно-сопоставительного анализа. В результате выявлено, что наряду с многофункциональностью и функциональной общностью рассматриваемых языковых единиц существуют различные переводческие решения, обусловленные контекстом их употребления, что демонстрируется примерами, полученными с помощью корпусных технологий.

EN

Means of Achieving Functional Equivalence When Translating English Discursive Markers in Oral Speech Communication in Legal Sphere

Korotkova M. D., Bogacheva E. A., Molodkin A. M.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of translating into Russian the language units ‘really’ and ‘actually’, used in a discursive meaning, from the standpoint of achieving functional equivalence. The scientific novelty lies in the fact that the study of the communicative effect when they are used in the process of oral communication in the legal sphere is carried out using a combined corpus-oriented approach with the help of quantitative and qualitative methods of comparative analysis. As a result, it has been revealed that along with the multifunctionality and functional commonality of the language units under consideration, there are various translation solutions due to the context of their use which is demonstrated by examples obtained by means of corpus technologies.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последнее время с развитием функционального подхода в теории и практике переводоведения его основополагающие принципы стали широко применяться в сфере прагматики и дискурс-анализа для выявления языковых единиц, выступающих в роли регулятора коммуникативного процесса с целью изучения их переводных соответствий и эквивалентов. Данное направление, будучи достаточно широко используемым в работах зарубежных исследователей, представляется актуальным и для отечественного переводоведения, поскольку число публикаций, касающихся анализа различных переводческих решений для одних из самых частотных разговорных маркеров *really* и *actually*, основанных на межъязыковых сравнениях с использованием корпусно-ориентированных подходов, невелико.

Для достижения указанной цели исследования поставлены следующие задачи: во-первых, выявить наиболее часто встречающиеся варианты русских переводных соответствий для *really* и *actually*, используемые для достижения функциональной эквивалентности; во-вторых, представить количественный обзор их переводных эквивалентов и охарактеризовать принципы дифференциации их дискурсивного употребления от адвербиального (полнозначного) в соответствии с позиционной дистрибуцией; в-третьих, определить качественный диапазон переводческих решений, демонстрирующих их многофункциональность, и использовать полученные результаты в примерах с нашим переводом. В качестве материала для анализа использовались реальные

примеры устной речевой коммуникации с переводами на русский язык из документального сериала компании Нетфликс «Создавая убийцу» (*Making a Murderer*), основывающегося на истории уголовного дела Стивена Эйвери, а также материалы стенограммы судебных заседаний по данному вопросу.

Количественные и качественные методы исследования включают сравнительно-сопоставительный анализ переводных эквивалентов рассматриваемых единиц с использованием комбинированного корпусно-ориентированного подхода. Для этого нами был составлен англо-русский параллельный корпус с помощью функции параллельного конкорданса системы *Sketch Engine*, в который вошли транскрипты диалогов на английском языке и субтитры их перевода на русский язык. Кроме этого, использовались эмпирические данные из готового мега-корпуса параллельных текстов *OPUS2*.

Теоретическую базу работы составили зарубежные и отечественные исследования по таким вопросам, как основные принципы функционального подхода к переводу (Ю. Найда, А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров и др.), а также методы выявления функций рассматриваемых языковых единиц в прагматическом и семантическом аспектах (А. Г. Минченков, К. М. Шилихина, К. Айджмер, А. М. Саймон-Ванденберген, Б. П. Фурко и др.).

Практическая значимость данной работы заключается в применении полученных результатов в таких областях лингвистики, как дискурс-анализ, прагматика, а также в теории и практике перевода. Она могла бы стать полезным дополнительным материалом в плане более глубокого практического овладения английским языком, поскольку проливает свет на важные особенности функционирования дискурсивных маркеров при устном общении, что необходимо для развития у обучающихся коммуникативной компетенции в сфере прагматики.

Основная часть

Многофункциональная сущность 'really' и 'actually'

В последние десятилетия наблюдается значительный рост числа исследований дискурсивных и семантических значений языковых единиц, обеспечивающих согласованность и смысловую целостность речевого взаимодействия, к которым относятся также *really* и *actually*, что способствовало появлению большого количества литературы, представляющей разнообразные теоретические основы и подходы к ним. Различные термины, такие как «дискурсивные связки», «дискурсивные частицы» (Aijmer, 2002), в том числе менее распространенные, такие как «дискурсивные операторы» (Redeker, 1991), «иллокутивные частицы» (Минченков, 2004) и др., иллюстрируют разнообразие функций, которые они выполняют в повседневной коммуникации. Несмотря на разнообразие определений, разные интерпретации их языковой и функциональной вариативности, а также подходы к их изучению, многие авторы согласны с тем, что наиболее распространенным именованьем этих единиц является «дискурсивные маркеры», которые, обеспечивая когерентность и смысловую целостность общения, коммуникативного процесса, выражают также эмоциональное отношение говорящего к разного рода ситуациям.

Что касается изучения многофункциональности сущности *actually* и *really*, то за последние несколько лет зарубежными лингвистами был проведен ряд исследований, некоторые из которых были посвящены рассмотрению их адвербиального и/или дискурсивного использования. Часть работ касалась их функций и дистрибуции в разных языках с целью поиска переводных эквивалентов и соответствий с использованием как семантических, так и функциональных подходов. Например, принимая во внимание как сходства, так и различия между рассматриваемыми единицами, их значительную зависимость от типов дискурса, а также от синтаксического и социального контекста, К. Айджмер и А. М. Саймон-Ванденберген (Aijmer, Simon-Vandenberg 2004; Aijmer, 2007) рассмотрели диапазон их переводов в шведском и голландском языках и обратно на английский, выбрав семантическое поле ожидания. А. Усонене и коллеги (Usonienė, Šolienė, Šinkūnienė, 2015) проанализировали, как семантические и прагматические значения *actually* в сопоставлении с *in fact* выражаются в литовском языке, сосредоточив внимание на сфере их многофункциональности и пытаясь выяснить, как литовские переводные соответствия «отражают» прагматические функции адвербиалов актуальности в английском языке с точки зрения формы и значения. Б. П. Фурко (Furkó, 2014), используя параллельный корпус устного дискурса, исследовал некоторые трудности при переводе дискурсивных маркеров на венгерский язык в целом, а также *actually* в сопоставлении с *I mean* в частности. Автор пришел к выводу, что описание сложного и динамичного характера их функционального и семантико-прагматического потенциала в основном должно быть сосредоточено на анализе переводческой парадигмы.

Некоторые исследования отечественных авторов также были посвящены изучению рассматриваемых дискурсивных маркеров в сравнении с их русскими переводными соответствиями. Так, А. Г. Минченков (2008) предложил методику перевода *actually* на русский язык в различных контекстах с использованием когнитивно-эвристической модели, применив метод интроспекции. Некоторые контекстуальные значения слова *actually* в сопоставлении с *in fact* в их русских и немецких переводах рассматривались К. М. Шилихиной (2015), которая продемонстрировала различные стратегии их перевода в зависимости от адвербиального или дискурсивного использования на материале двух параллельных корпусов – англо-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка и англо-русско-немецкого корпуса академической речи.

В данной статье многофункциональный характер *actually* и *really* в сопоставлении с их русскими соответствиями в плане функциональной и семантической эквивалентности демонстрируется на примерах устного речевого взаимодействия в различных ситуациях между лицами, участвующими в судебных заседаниях. При этом различный статус участников общения – как профессиональный (судья, прокурор, защитник),

так и непрофессиональный (свидетель, подсудимый) – определяет их речевое поведение. Приводятся реальные примеры устной речевой коммуникации, включающие в себя общение в зале суда (язык, используемый всеми лицами, участвовавшими в судебном заседании во время главного допроса, перекрестного допроса, выступлений адвокатов, свидетелей и т.д.), допросы подозреваемых офицерами полиции, речевое взаимодействие между адвокатами и клиентами вне зала суда.

**Корпусно-ориентированный обзор эквивалентов ‘really’ и ‘actually’
с позиции функционального подхода к переводу**

Ряд лингвистов, в том числе стоявшие у истоков создания теории перевода, сложившейся как самостоятельная наука в середине прошлого века, считали, что исключительное использование принципов достижения смысловой и формальной близости между исходным и переводным текстом не всегда соответствует реальной практике перевода. Ю. Найда (Nida, 1964, с. 159) первым предложил ряд основных положений функциональной, или динамической, эквивалентности, базирующихся на тождественности коммуникативного эффекта, производимого за счет функциональной близости между единицами перевода как для рецептора перевода, так и для реакции рецептора на родном языке (Nida, Taber, 1969, с. 202). Таким образом, в понятие функциональной эквивалентности наряду с общим восприятием сообщения, пониманием его смыслового содержания, эмоциональных установок и т.д. также вводится коммуникативно-прагматический компонент. Что касается подходов к переводу дискурсивных маркеров, то поскольку многие из них не обладают ярко выраженным денотативным значением или лишены его в процессе грамматикализации (как, например, *actually*), поиск их эквивалентов осуществляется в зависимости не от постоянного соответствия на уровне языков, а от коммуникативного контекста.

В англо-русский параллельный корпус, составленный нами с помощью функции параллельного конкорданса системы *Sketch Engine* (<http://www.sketchengine.co.uk>), вошли транскрипты диалогов на английском языке и субтитры их перевода на русский язык. Общий объем корпуса составил около 300 тысяч словоупотреблений, при этом в исходных диалогах выявлено 301 высказывание, в которых используются рассматриваемые единицы (*really* – 206 единиц, *actually* – 95 единиц). Поскольку параллельные корпуса позволяют проводить межъязыковые сравнения и анализ различных решений для перевода, то для получения статистически репрезентативных результатов мы также использовали некоторые эмпирические данные из параллельного корпуса поисковой системы *Sketch Engine*, а именно готовый корпус параллельных текстов *OPUS2* на английском и русском языках. Мы обратились к нему с целью выявить наиболее часто используемые варианты рассматриваемых единиц и их соответствующие переводы. В нашем исследовании используется подкорпус *OpenSubtitles*, включающий самые разнообразные жанры – от разговорной речи до повествовательного дискурса. Количественное соотношение употребления рассматриваемых единиц, переведенных на русский язык, которое мы получили в этой части, составило 28 090 *really* и 6 455 *actually*.

Было выявлено, что наиболее распространенными русскими переводными соответствиями рассматриваемых единиц с относительно близким значением являются *на самом деле*, *действительно*, *даже*, *вообще-то*, *ведь*, *в общем*, *собственно* (*говоря*). Некоторые из них имеют несколько вариантов перевода, например, *really* – *крайне*, *actually* – *именно*, но наиболее распространенным вариантом является их опущение или нулевое соответствие (почти 72% случаев в нашем корпусе, 64% в *OPUS2*). Этот факт, по-видимому, указывает на то, что часто данные конкретные единицы языка выражают тип значения, который, как правило, не принимается во внимание при переводе на русский язык.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ полученных статистических данных показывает, что наиболее распространенными вариантами русских переводов являются «на самом деле» и «действительно (в действительности)», связанные по семантике с идеей действительности или некоего факта как факта реальности. В процентном отношении они составляют около 10% в переводах *actually* в нашем корпусе и около 19% – в *OPUS2*. Что касается *really*, то их процентное соотношение – 10% к 5%, что связано, в частности, с широким употреблением данной единицы языка в эмфатической функции в повседневной речевой коммуникации в отличие от институционального дискурса.

Согласно анализу группы единиц, выражающих реальное положение дел «действительно, в самом деле, на самом деле и в действительности», проведенном отечественными исследователями, две функции «на самом деле» и «в действительности» совпадают. Обе выражают подтверждение (невероятного) предположения, а также используются в контрастивной функции с целью противопоставить иное мнение высказываемому утверждению (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993).

Чтобы выразить опровержение предыдущей информации на русском языке или подтвердить ее в смысловом и прагматическом значении, часто используется «на самом деле». Как член предложения «на самом деле» свободно сочетается с противительными союзами «а», «но», «однако», в то время как для «в самом деле» такое использование не типично. Между этими выражениями также есть стилистические различия: «в самом деле» употребляется для аргументации в пользу предыдущих утверждений и для того, чтобы привести контраргументы (Бутлак, 1994). Подобное наблюдается при переводе *really* и *actually*. Выступая в роли дискурсивных маркеров, они могут указывать на несогласие с новой информацией, высказанной в противовес тому, что было сказано ранее:

(1) *And this really is a problem for that... Really, two people could've done this easily enough if they had the motive to do it.* / И в этом действительно проблема... **На самом деле** для этого достаточно двух человек, если у них есть мотивация (из выступления адвоката в суде).

(2) *We're not trying to, um... just stir up trouble. We're trying to find out what **actually** happened to her.* / Мы не собираемся, гм... мутить воду. Мы пытаемся узнать, что с ней стало **на самом деле** (из выступления в суде стороны обвинения).

Согласно Д. Биберу и соавторам (Biber, Johansson, Leech et al., 1999), *really* часто используется в качестве модификатора ряда прилагательных, в частности в четырех наиболее распространенных коллокациях с “good”, “nice”, “bad” и “funny” в устной речевой коммуникации как в США, так и в Великобритании в эмфатической функции. В связи с этим наиболее распространенными русскими переводными соответствиями *really* являются «правда», «очень», «необычайно», «чрезвычайно» и их синонимы. Когда *really* используется в дискурсивном значении, например, будучи либо в начальной, либо в конечной позиции, он фокусирует внимание слушателя на важности всего сообщения или указывает на фактическое положение дел:

(3) *It's **really** all about whether the jury believes that taped confession or whether they believe what Brendan Dassey said himself when he testified on Monday that he made up that whole confession.* / **На самом деле**, вопрос в том, чему поверят присяжные – записи с признанием или тому, что сказал сам Брендон Дейси, когда в понедельник давал показания о том, что выдумал всё своё признание.

(4) *...where the technology advanced to the stage where you could test the DNA... to show that, uh, the evidence at the original trial **really** did not mean what the State was arguing it meant and what the jury believed that it meant.* / ...когда технологии продвинулись настолько, что мы смогли провести анализ ДНК... и показать, что улики на суде **на самом деле** не означали того, на чём настаивала прокуратура и чему в итоге поверили присяжные.

Вариант перевода «вообще-то» наряду с «на самом деле» считается одним из наиболее близких переводных эквивалентов для *actually*. Однако в некоторых случаях в зависимости от контекста он может использоваться в своем функциональном значении как средство смягчения последствий, указывающее на некоторые проблемы на межличностном уровне, чтобы минимизировать степень навязывания действий, угрожающих «лицу», и произвести действия по спасению «лица». В приведенном ниже примере офицер полиции, давая показания в суде относительно своего коллеги, которого подозревают в подтасовке улик при проведении обыска, не прямо, а косвенно указывает на свершившийся факт, смягчая тем самым возможные последствия:

(5) *And those slippers were moved before the key was seen? – Yes. – And the first time they were moved, nobody saw the key? – The key wasn't there the first time they were moved. – And when you saw it there, it was sitting out there in plain view right on the floor, is that right? – It was **actually** Lieutenant Lenk that saw the key first.* / Вам пришлось подвинуть тапочки, чтобы найти ключ? – Да. – А когда их двигали первый раз, ключа никто не видел? – Первый раз ключа там не было. – И когда вы его заметили, он лежал на самом видном месте прямо на полу, верно? – **Вообще-то**, первым его увидел лейтенант Ленк.

Позиционная дистрибуция ‘really’ и ‘actually’ и их переводы

Будучи средством реализации эксплицитных или имплицитных намерений, обе языковые единицы в прагматическом смысле могут выражать такие функции, как аргументация, опровержение, подтверждение, смена темы, сохранение лица и др., в то время как *really* и *actually* характерны для разговорного дискурса в правовой сфере, в основном при главном и перекрестном допросе.

Чтобы отличить их дискурсивное использование от адвербиального, была исследована их позиционная дистрибуция; соответствующие переводы были выровнены с их исходными аналогами, а результаты проанализированы с учетом полного контекста, в рамках которого присутствует каждая рассматриваемая языковая единица. Последующий анализ позволил с достаточной степенью достоверности выявить прагматические и семантические значения рассматриваемых единиц в сравнении с их русскими переводными соответствиями с точки зрения их синтаксической позиции (начальной, срединной и конечной) в высказывании, что стало одним из отличительных критериев. Эмпирические данные и примеры с нашим переводом были также взяты из части стенограммы дела Стивена Эйвери (<http://www.stevenaverycase.org>).

На основе их позиции в предложении эти языковые единицы дифференцировались в соответствии с их адвербиальным и дискурсивным использованием. Например, *actually* имеет адвербиальное или полнозначное значение при его синтаксической позиции между вспомогательными и смысловыми глаголами, подлежащим и сказуемым, сказуемым и прямым дополнением. Появляясь в начальной или конечной позиции в предложении (высказывании), *actually* выполняет роль дискурсивного маркера, а его функциональная сфера охватывает все высказывание, переходя, таким образом, в область прагматики. Это следует из двух примеров коммуникативного взаимодействия между судьей и присяжным заседателем, судьей и свидетелем в ходе проверки их компетенции и непредубежденности. В примере (6) *actually*, переведенный как «на самом деле», является уточняющим маркером, который поясняет или уточняет то, что было сказано ранее. В примере (7) мы предпочли выбрать «в самом деле» в качестве его русского эквивалента, поскольку в данном контексте он свидетельствует в пользу предыдущих утверждений.

(6) *Judge: – But you, as a juror, can't require the defendant to prove his innocence, you have to find that the State proved his guilt; do you understand the difference? What does the difference mean to you? Juror: – The State has got to prove him guilty and the defense not guilty, right? Judge: – **Actually**, the defendant doesn't have to prove anything.* / Судья: – Но вы, как присяжный, не можете требовать от подсудимого доказательств его невиновности. Вы должны установить, доказала ли прокуратура его вину; вы понимаете разницу? Что для вас значит эта разница? Присяжный: – Прокуратура должна доказать его вину, а защита – его невиновность, верно? Судья: – **На самом деле**, подсудимый не должен ничего доказывать.

(7) *Judge: – I think you indicated at the beginning that you would expect them to tell the truth because that's part of their duty as a police officer? Witness (a police officer): – Right. Judge: And that is true. As Mr. Buting indicated and there was a question on the questionnaire about this, **actually**.* / Судья: – По-моему, вы сначала указали, что надеетесь на правдивость их показаний, потому что это входит в обязанности офицера полиции? Свидетель: – Верно. Судья: – И это правда. Как отметил мистер Бутинг, этот вопрос и **в самом деле** содержался в анкете.

В некоторых случаях возможна двойственная трактовка функции *actually*. Появление в срединной позиции может предполагать его использование в качестве адвербиала, с одной стороны, а семантико-прагматическая функция в высказывании может указывать, например, на несогласие с предыдущим оратором, дистанцирование от факта предыдущего высказывания и т.д. Иногда он используется в функции хезитации с целью усиления прагматического эффекта. В данном случае мы предпочли переводной эквивалент «собственно говоря», который подобен «на самом деле» в его первоначальном значении, но отличается в значении от *really*:

(8) *Judge: – Um, how about your other, uh, drunk driving matters? Uh, were... did you review the police reports associated with your arrests? Juror: – Um, right. I haven't look at them in years, but I was driving. I got... I was arrested, drunk driving. No excuse, but, **actually**, going into remembering the details of the police report, I don't remember none of that no more.* / Судья: – А как насчет ваших других, гм... случаев вождения в нетрезвом виде? Гм... были... вы просматривали полицейские протоколы, связанные с вашими арестами? Присяжный: – Хм, верно. Я много лет их не просматривал; ну, я ехал. Я получил... Меня арестовали за рулем в нетрезвом виде. Никаких оправданий, но... **собственно говоря**, вспоминая подробности полицейского протокола, я больше ничего не помню.

Actually в начальной позиции при усилении или уточнении предыдущего утверждения, противопоставлении новой информации тому, что уже было сказано, или введении новой темы, смещающей акцент с предыдущей, можно перевести как «даже», «именно» или «более того»:

(9) *And **actually**, I was getting frustrated at a point because it's almost as if they wanted me to change what I had actually seen.* / В какой-то момент я **даже** растерялся, потому что мне казалось, будто они хотят, чтобы я изменил показания.

(10) *I mean, because he's gotta show us this stuff, so... That could **actually** be where it happened. Right? / Да. Это была моя затея. Он должен был нам всё показать. Возможно, **именно** там всё и случилось, да?*

Положение *really* в высказывании обычно зависит от того, какую имплицитную информацию говорящий пытается представить, и, появляясь в периферийной позиции, он выполняет чисто текстовую и прагматическую функцию. Как отмечают Д. Бибер и соавторы (Biber, Johansson, Leech et al., 1999), определенная группа адвербиалов, в том числе *really*, может выполнять неоднозначные или множественные функции, которые особенно трудно анализировать. Некоторые примеры с данной единицей демонстрируют ее эпистемическое значение, выражая понятие “*in reality*” (на самом деле) или “*in truth*” «по правде говоря», прежде всего в начальной и конечной позициях. Когда он встречается в срединной позиции, то его функцию можно интерпретировать двояко, либо он имеет значение «в действительности», либо выступает в эмфатической функции:

(11) *In a long trial like this, openings are very important. **Really**, probably more important even than the closings.* / В таком долгом процессе вступительная часть очень важна. **На самом деле**, возможно, важнее заключительной.

(12) *Did you watch any of the coverage regarding his arrest? Just that he was arrested, you know, and that was about it, **really**.* / Вы смотрели какие-либо репортажи о его аресте? Просто то, что он был арестован, понимаете, и все, **собственно говоря**.

(13) *That's not my concern. It's **really** the reliability, or the sufficiency of the complaint, with which I am concerned.* / Это не мое дело. **В действительности** меня беспокоит надежность или обоснованность искового заявления.

Заключение

Таким образом, согласно проведенному исследованию, наиболее часто встречающимися вариантами русских переводных соответствий для *really* и *actually*, используемыми для достижения функциональной эквивалентности в их дискурсивном значении, являются языковые единицы, ссылающиеся на некоторый факт как на факт реальной действительности, такие как «на самом деле» и «действительно (в действительности)». Это подтверждается результатами, полученными на основании количественного анализа данных двух параллельных корпусов, которые базируются на принципах дифференциации их дискурсивного употребления от адвербиального в соответствии с позиционной дистрибуцией.

Анализ качественного диапазона переводческих решений показал, что для обеспечения прагматических задач перевода рассматриваемых языковых единиц на максимально возможном для достижения этой цели соответствующем уровне эквивалентности используются и другие переводные соответствия. При этом их употребление в значительной степени зависит от особенностей коммуникативной ситуации, иными словами – от условия взаимодействия дискурсивного слова и контекста высказывания. В связи с этим обусловленность выбора соответствующих функциональных эквивалентов при переводе рассматриваемых дискурсивных маркеров в ряде случаев достигается не за счет их постоянного, а вариантного соответствия на уровне языков в зависимости от коммуникативного намерения исходного текста и окружающего контекста.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении многофункциональной сущности языковых единиц, выступающих в дискурсивном значении, их переводческих решений в зависимости от окружающего контекста и практического применения полученных результатов в учебном процессе с целью развития у обучающихся коммуникативной компетенции в сфере прагматики.

Источники | References

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Группа единиц, связанных с идеей реальности // Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
2. Буглак С. И. В самом деле или на самом деле (о явлении паронимии в языке) // Русская речь. 1994. № 2.
3. Минченков А. Г. Английские частицы: функции и перевод. СПб.: Антология, 2004.
4. Минченков А. Г. Приложение к когнитивно-эвристической модели к переводу частицы actually // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11696623>
5. Шилихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. № 3.
6. Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus. Amsterdam: John Benjamins, 2002. URL: <https://www.academia.edu/3207238>
7. Aijmer K. The Actuality Adverbs in Fact, Actually, Really and Indeed - Establishing Similarities and Differences. 2007. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/19439865>
8. Aijmer K., Simon-Vandenberghe A. M. A Model and a Methodology for the Study of Pragmatic Markers: The Semantic Field of Expectation // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36. URL: <https://www.academia.edu/13020642>
9. Biber D., Johansson S., Leech L., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Pearson Education, 1999.
10. Furkó B. P. Perspectives on the Translation of Discourse Markers: A Case Study of the Translation of Reformulation Markers from English into Hungarian. 2014. URL: <http://www.acta.sapientia.ro/acta-philol/C6-2/philol62-3.pdf>
11. Nida E. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden: E. J. Brill, 1964.
12. Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 1969.
13. Redeker G. Linguistic Markers of Discourse Structures. 1991. URL: <https://www.academia.edu/641421>
14. Usonienė A., Šolienė A., Šinkūnienė J. Revisiting the Multifunctionality of the Adverbials of “Act” and “Fact” in a Cross-Linguistic Perspective. 2015. URL: <https://www.researchgate.net/publication/274256273>

Информация об авторах | Author information**RU**

Короткова Мария Дмитриевна¹, к. филол. н., доц.
Богачева Екатерина Александровна², к. пед. н.
Молодкин Анатолий Михайлович³, д. филол. н., проф.
^{1, 2, 3} Саратовская государственная юридическая академия

EN

Korotkova Mariya Dmitrievna¹, PhD
Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna², PhD
Molodkin Anatoly Mihailovich³, Dr
^{1, 2, 3} Saratov State Legal Academy

¹ marusia454@rambler.ru, ² kapitolina19@yandex.ru, ³ amolodkin@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.03.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): дискурсивные маркеры; функциональная и семантическая эквивалентность; переводные соответствия; параллельный корпус; discursive markers; functional and semantic equivalence; translation matches; parallel corpus.